

Юсупов Айрат Фаикович

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ АРАБСКИХ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ В ЯЗЫКЕ ТАТАРСКОЙ СУФИЙСКОЙ ПОЭЗИИ XIX ВЕКА

Статья посвящена исследованию проблем грамматического освоения арабских глагольных форм - имен действий и причастий - в языке татарской суфийской поэзии XIX века. Предложена научная методика анализа заимствованных грамматических элементов в языке татарской поэзии данного периода. В ходе анализа раскрываются закономерности функционирования масдаров и причастий арабского языка в структуре художественных текстов; определяются основные механизмы адаптации арабизмов в грамматическом аспекте и раскрываются особенности освоения заимствованных элементов на грамматическом уровне.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/3-2/45.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 3(81). Ч. 2. С. 398-401. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

THE LANGUAGE OF GAMERS AS A PART OF YOUTH SLANG

Shcherbina Valentina Evgen'evna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Orenburg State University
wjatschina@rambler.ru

The subject of the research in the article is the language of gamers as a component of the youth vocabulary. The neologisms, which are one of the ways to replenish the language of gamers, are used as the research material. The basic models of their creation are revealed. The article concludes that the language of gamers is not only a computer terminology associated with online games, but also slang forms of a language, formed in the process of gamers' communication. Theoretical positions are supported by actual examples from the language of the German-speaking gamers.

Key words and phrases: language of gamers; youth slang; vocabulary; neologism; ways of neologisms formation.

УДК 811.512.145; 81-112.2

Статья посвящена исследованию проблем грамматического освоения арабских глагольных форм – имен действий и причастий – в языке татарской суфийской поэзии XIX века. Предложена научная методика анализа заимствованных грамматических элементов в языке татарской поэзии данного периода. В ходе анализа раскрываются закономерности функционирования масдаров и причастий арабского языка в структуре художественных текстов; определяются основные механизмы адаптации арабизмов в грамматическом аспекте и раскрываются особенности освоения заимствованных элементов на грамматическом уровне.

Ключевые слова и фразы: старотатарский язык; заимствование; грамматическое освоение; субстантивация; имя действия; масдар; причастие.

Юсупов Айрат Фанкович, к. филол. н., доцент
Казанский (Приволжский) федеральный университет
faikovich@mail.ru

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ АРАБСКИХ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ
В ЯЗЫКЕ ТАТАРСКОЙ СУФИЙСКОЙ ПОЭЗИИ XIX ВЕКА**

Как известно, в татарском языкознании история изучения лексического состава языка, в частности арабо-персидских заимствований, имеет давнюю историю. «Первые попытки научно-теоретического исследования арабо-персидских заимствований в татарском языке были начаты уже в 1912-1913 гг. такими учеными, как Г. Сагди, Дж. Валиди, А. Х. Максуди и др.» [13, с. 8]. В советское время лексико-семантическая характеристика отдельных свойств заимствований в аспекте лексического освоения арабских и персидских единиц была продолжена в трудах Ш. Рамазанова, К. Сабирова, Г. Ахатова.

Кроме того, уже в начале XX века в татарском языкознании происходит первичное осмысление грамматического освоения арабо-персидских заимствований в татарском языке. Данный процесс связан, в первую очередь, с теоретической деятельностью Г. Сагди и Дж. Валиди. Так, в 1913 году «Г. Сагди впервые сделал попытку исследовать закономерности морфологического освоения арабских заимствований в татарском языке. Автор сгруппировал арабские слова по частям речи с точки зрения татарской морфологии» [6, с. 4]. На исследовании морфологических особенностей заимствований внимание акцентируется в трудах Дж. Валиди [3], где выявляются формы выражения грамматической категории рода арабских слов в татарском языке. Вслед за ними описанию морфологических свойств арабских заимствований посвящается работа Х. Максуди «Гарэбият» («Гарабият») [5], в которой дается анализ заимствований с точки зрения арабской грамматики, однако вопросы грамматического освоения их в татарском языке остаются вне поля исследования.

Значительный вклад в изучение фонетического и морфологического освоения арабизмов и фарсизмов в татарском литературном языке внес М. И. Махмутов [6]. В его трудах особое внимание акцентируется на вопросах конверсии арабских и персидских слов.

В трудах И. Ш. Аухадиева на первый план выдвигается сопоставительное изучение фонетической системы арабского и татарского языков, и на фоне этого выявляются основные закономерности фонетического освоения арабских заимствований в татарском языке [2]. В монографических исследованиях Р. Г. Ахметьянова в контексте мусульманского вероучения и богослужения раскрываются пути проникновения в татарский язык арабо-персидских слов и формообразований [1]. Арабо-персидские заимствования исследованы в плане ономастики татарского языка в работах Г. Ф. Саттарова, Г. Р. Галиуллиной, Л. К. Тазиевой и др.

На рубеже XX-XXI веков данной проблематике посвящались диссертационные исследования, где особое внимание уделяется «возвращенной» лексике в татарском языке [8], употреблению арабо-персидских заимствований в татарских народных пословицах [9] и морфологическому строю суфийских произведений XIX века [13].

Таким образом, теоретико-лингвистические знания об освоении арабо-персидских заимствований в татарском языке XX века образуют стройную систему теории их адаптации, расширяют знания и представления о теоретических основах и функциональных возможностях данных лексических единиц. Однако системное описание функционирования заимствований в структуре художественного текста и вопросы освоения арабизмов и фарсизмов на уровне грамматического строя, а также их стратификация в татарских суфийских произведениях XIX века оставались вне поля зрения ученых. По мнению исследователей, «старотатарский язык XIX века характеризуется увеличением удельного веса арабо-персидских заимствований» [11, с. 208]. «Закреплению арабских слов в словарном составе татарского языка XIX века способствовала именно суфийская поэзия, пропитанная арабо-персидскими элементами и оказавшая сильное воздействие на развитие письменного литературного языка того времени» [12, с. 100]. По мнению М. И. Махмутова, «до XVIII века количество арабских заимствований составляет незначительный процент лексического состава старотатарского языка. В XVIII столетии приток заимствований возрастает, а с начала XIX века резко увеличивается. Но самый большой поток арабизмов наблюдается с середины XIX века и до 1905-1907 годов, т.е. с началом развития и становления современного татарского литературного языка» [6, с. 3].

Целью данной статьи является изучение грамматического освоения арабизмов в составе глагольных форм на материале татарской суфийской поэзии XIX века и определение основных особенностей их адаптации и функционирования.

Как известно, для языка татарской суфийской поэзии XIX века характерно активное заимствование всех частей речи. В данной статье внимание уделяется только заимствованным именам действия – масдарам и арабским причастиям, употребляющимся в языке татарских суфийских произведений XIX века.

В языке татарской поэзии данного периода имена действия тюрко-татарского происхождения параллельно употребляются с именами действия арабского языка – масдарами.

В арабских грамматиках указывается, что «имя действия в арабском языке передает абстрактное название самого действия или состояния без каких-либо указаний на лицо, время, залог и другие конкретные характеристики глагола» [4, с. 186].

В арабском языке масдары от различных пород глаголов образуются не по одной, а по многочисленным моделям, и точного правила для распределения этих формул нет. В языке татарской поэзии данного периода употребляются следующие формы масдаров.

1. Исходя из исследований, можно констатировать, что в текстах наиболее часто употребляемыми масдарами являются имена действия I породы. Нами зафиксированные в ходе исследования масдары образуются по следующим моделям:

فعل – *фагълун*: *тәрек* [7, ед. хр. 47, л. 93]. / «оставление, бросание» (здесь и далее перевод автора статьи. – А. Ю.); *фарыкъ* [Там же, л. 91]. / «различие, разделение, разница; разлука»; *садыр* [Там же, л. 82]. / «грудь, сердце»; *золым* [Там же, л. 99]. / «несправедливость»; *гъакъыл* [Там же, л. 104]. / «ум, разум; понимание»; *къасыр* [Там же, л. 125]. / «краткость, ограниченность»;

فعلول – *фугълун*: *вәжүд* [10, б. 414]. / «бытие, существование; наличие»;

فعل – *фагълун*: *нәзәр* [7, ед. хр. 47, л. 91]. / «внимание; рассуждение; взгляд»; *сәхәр* [Там же, л. 93]. / «заря, завтрак»; *хәбәр* [Там же, л. 97]. / «известие, весть, новость»; *заман* [Там же]. / «время, пора, эпоха»; *хәтәр* [Там же, л. 80]. / «опасность»;

مجلسة – مجلس – *мәжлес* [Там же, л. 126]. / «собрание; пирушка, пир; угощение»;

فعله – *фагъләтун*: *дәүләт* [Там же, л. 95]. / «государство; богатство»;

مفعلة – *мәфгиләтун*: *мәгърифәт* [Там же, л. 117]. / «знание, наука; просвещение»;

محرم – *мәхрәм* [Там же, л. 105]. / «запрещенный по шариату» и т.д.

2. По II породе арабского масдара чаще всего встречается форма *تفعيل* – *тәфгилун*, основным значением данной формы является осуществление общей идеи, заключенной в корне, а также значение побудительности: *тәкъсир* [Там же, л. 89]. / «сокращение; упущение»; *тәдбир* [Там же, л. 83]. / «предусмотрительность»; *тә'сир* [Там же, л. 86]. / «воздействие, влияние; впечатление»; *тәсдиқ* [Там же, л. 100]. / «подтверждение, удостоверение»; *тәгълим* [Там же, л. 125]. / «учение, обучение»; *тәһдид* [Там же, л. 127]. / «угроза, устрашение» и т.д.

3. Масдары III породы также часто встречаются в языке поэзии и имеют значение общности, взаимности действия, а также направленности действия в сторону кого-либо и образуются по модели *فعلال* – *фиггалун*: *низам* [Там же, л. 109]. / «порядок, строй; система»; *хитаб* [Там же, л. 82]. / «обращение; речь»; *хижәб* [Там же, л. 89]. / «покрывало; стыдливость, скромность; занавес»; *фирәкъ* [Там же, л. 103]. / «разлука».

4. Масдары IV породы употребляются в значении каузативности и образуются по модели *افعال* – *ифггалун*: *итагәт* [10, б. 417]. / «послушание, повиновение, исполнительность»; *иман* [7, ед. хр. 47, л. 134]. / «вера, убеждение»; *ихлас* [Там же, л. 83]. / «искренность, откровенность»; *инкәяр* [Там же, л. 95]. / «отрицание, непризнание»; *игәнәт* [Там же, л. 109]. / «помощь, содействие; пожертвование»; *изһар* [Там же, л. 108]. / «обнаружение, выявление, показ»; *ихсан* [Там же, л. 124]. / «совершение добрых дел; благодеяние»; *ислам* [Там же, л. 125]. / «покорность» и т.д.

5. VIII порода масдаров в языке исследуемых произведений является активно употребляемой формой арабских имен действий и получает возвратное значение, часто с оттенком «себе», «для себя». Они образуются по модели *افتعال* – *ифтигал*: *ихтыйар* [Там же, л. 98]. / «самодеятельность, свобода, воля; выбор»; *интизар* [10, б. 415]. / «ожидание»; *икътидар* [Там же, б. 414]. / «способность, умение»; *ифтиқъар* [Там же]. / «ощущение своей бедности; бедность, нужда»; *штифат* [Там же]. / «обращение внимания, внимание»;

игътибар [Там же]. / «принятие во внимание, внимание; уважение», *изъыйрар* [Там же]. / «вынужденность, необходимость»; *ифтиракъ* [7, ед. хр. 47, л. 94]. / «расставание»; *ибтиһал* [Там же, л. 106]. / «просьба, мольба» и т.д.

6. Масдары X породы, образованные по модели استفعال – *истифгъал*, в языке данных текстов малочастотные и употребляются в возвратном значении, заключая в себе идею просьбы, привлечения со стороны: *истихкъак* [Там же, л. 124]. / «заслуженность; пригодность, достоинство»; *истихъамэт* [Там же]. / «честность, правдивость»; *истигъракъ* [Там же, л. 132]. / «погружение; чрезмерное занятие делами».

Следует отметить, масдары арабского языка субстантивируются и часто переходят в разряд имен существительных. Аналогичное явление характерно и для заимствованных имен действий, которые, субстантивируясь, принимают грамматические показатели тюркских имен существительных и изменяются по числам, склоняются по падежам и могут иметь окончания категории принадлежности. Например: *чөнки садрына йазылды гъыйшкъы хат* [Там же, л. 82]. / «потому что в сердце написано любовное письмо» и т.д.

В языке татарской поэзии исследуемого периода арабские масдары активно употребляются с послелогоми тюркского происхождения *берлән, илә, берлә* «с»: *сагыш къыйлдым гъакъыл берлән* [Там же, л. 104]. / «опечалился мой разум»; *сәдд къыла ихлас илә* [Там же, л. 83]. / «запреты установит рьяно» и т.д.

Наши наблюдения показывают, что исконно арабские глагольные формы в языке татарской суфийской поэзии XIX века не употребляются и заимствования в исходной форме никогда не выступают в функции глагола. Глаголы от арабских основ образуются в основном либо суффиксальным путем, либо при помощи вспомогательных глаголов.

Кроме того, определенная часть арабских масдаров, не теряя свои лексико-грамматические значения и употребляясь в глагольном значении, участвуют в образовании сложных глаголов. В данных конструкциях в роли именной части выступает масдар арабского языка, а вспомогательным глаголом является слово тюркского происхождения. Анализ заимствованных имен действий показывает, что арабские масдары часто соотносятся с вспомогательными глаголами *итү, әйләү, къыйлу, къалу* и образуют следующие конструкции:

масдар + вспомогательный глагол *итү / идү*: *фәрек идү* «различать», *тәрек идү* «бросать», *къасыр идү* «сокращать», *тәсдиқ идү* «быть правильным», *тәһдид итү* «напугать», *ихсан идү* «совершать», *ислах итү* «усовершенствовать», *илтифат идү* «обращать внимание». Например: *сүз озалыб бара, къасыр идәм* [Там же, л. 125]. / «я сокращаю свою речь». Конструкция «масдар + вспомогательный глагол *итү / идү*» является самой распространенной моделью, в данных конструкциях первый компонент – масдар – выражает название действия или состояния, а второй компонент – вспомогательный глагол «оглаголивает» его;

масдар + вспомогательный глагол *әйләү*: *инкъәр әйләү* «отрицать», *золым әйләү* «обижать». Например: *кәндүңә золым әйләмеш* [Там же, л. 99]. / «сам себя обидел»;

масдар + вспомогательный глагол *къыйлу*: *нәзар къыйлу* «смотреть, заглянуть», *игъәнәт къыйлу* «помогать, оказать помощь», *изһар къыйлу* «объяснять». Например: *бәңә һакъ игъәнәт къыйлмаса* [Там же, л. 103]. / «если не поможет мне Всевышний». В сложных глаголах, образованных по данной модели, сохраняется оттенок архаичности;

масдар + вспомогательный глагол *къалу*: *интизар къалу* «ждать», *ифтикъәр къалу* «нуждаться», *илтифат калу* = *игътибар калу* «быть невнимательным». Например: *сәндиң үзгә кемсәйә һич ифтикъәрәм къалмады* [10, б. 414]. / «ни в чем не нуждаюсь, кроме тебя». Модель «масдар + вспомогательный глагол *къалу*» в языке поэтических текстов зафиксирована только в отрицательной форме, и в роли именной части употребляются лишь арабские масдары VIII породы.

В языке татарской суфийской поэзии XIX века среди заимствованных глагольных форм выделяются и *причастия арабского языка* действительного и страдательного залога.

Исследования показывают, что *причастия арабского языка* в языке исследуемых текстов выступают в собственно причастном, субстантивированном и глагольно-именном значениях, а также в сочетании с некоторыми вспомогательными глаголами.

Значительная часть заимствованных арабских причастий, выступая в собственно причастном значении, употребляются в функции определения: *гасый* «грешный, непокорный; грешник», *жафи* «мучающий». Например: *бән ходаның бер гъариб, гъасый-у жафи къолы мән* [7, ед. хр. 47, л. 87]. / «чужд я богу, раб я, мучающий его».

Следует отметить, что причастия страдательного залога употребляются в атрибутивной функции реже, чем причастия действительного залога. Вместе с тем можно привести несколько примеров: *мөләүвәз* «запятнанный, загрязненный»: *кәм мөләүвәз тәнләре хуш арыдыр су агъыны* [Там же, л. 91]. / «у кого загрязненные тела, их хорошо промывает водяное течение».

Арабские причастия часто субстантивируются, принимая грамматические парадигмы падежа, числа и принадлежности:

– причастия действительного залога. Например: *хәгъир хәқиғ* «презренный, жалкий, ничтожный»: *бу хәгъиргә хәзрәтең мәнзарләре дәшкән* [Там же, л. 130]. / «время, когда господин посмотрел на этого презренного»;

– причастия страдательного залога. Например: *мәгъбуд* «обожаемый, боготворимый; кумир»: *чукъ гъәһәһ итдем бән ул мәгъбудемә бу жиһанда* [10, б. 417]. / «много грехов у меня перед Аллахом в этом мире».

В языке поэтических произведений данные причастия страдательного залога употребляются в субстантивированном значении активнее, чем причастия действительного залога. Субстантивированные причастия страдательного залога в основном падеже с аффиксами принадлежности употребляются в составе изафетных конструкций и выступают в роли определения. Например: *мәтлуб* «искомый; требуемый, пользующийся

спросом», *мэхбуб* «любимый, возлюбленный; любимец»: *чөн һәммә талибәләрең мәтбубы сән, чөн һәммә гъашикъларың мэхбубы сән* [7, ед. хр. 47, л. 132]. / «потому что для всех студентов ты желанный, потому что всех влюбленных ты любимец».

Арабские причастия в форме основного падежа употребляются как обращение, которое вводится при помощи специальных частиц или приставок: *мөстәҗиб* «удовлетворяющий просьбу; исполняющий»: *сән кәбул иткел аны, и мөстәҗиб* [Там же, л. 134]. / «ты прими его, о, допрошенный»; *монафикъ* «лицемер; двуличный»: *эй монафикъ, нэгълеңе вә хәлеңе дөз итмәдең* [Там же, л. 98]. / «о, двуличный, не знал цены ты доходам своим и положению».

Заемствованные арабские причастия могут самостоятельно функционировать в роли сказуемого. Вместе с тем они оформляются аффиксами сказуемости соответствующего лица: *садикъ* «правдивый, искренний; истинный»: *къаны шул кеше кем, күзе ачыкъ, сүзе садикъ дорур* [Там же, л. 92]. / «человеком можно считать того, у кого ясные глаза и правдивые слова»; *мәшһур* «известный, знаменитый, славный»: *фәлән угълы фәлән диб мәшһурдер* [Там же, л. 122]. / «известный как некий сын некоего человека» и т.д.

Как и масдары, причастия нередко сочетаются с вспомогательными глаголами *әйлә, ирсә, улә, кыйла, ит, килә* и функционируют в качестве компонента сложного сказуемого. Например: *мәкһур* «проклятый, заклятый; обиженный, замученный; побеждённый, покорённый»: *та сәнең әлеңдә мәкһур ула дин мәккәрсә* [10, б. 418]. / «в твоей руке смиряется в религии коварный».

Таким образом, в языке татарской суфийской поэзии XIX века арабские грамматические элементы выступают в основном в составе субстантивированных форм глагола, которые представлены масдарами I, II, III, IV, VIII, X пород арабского языка и причастиями действительного и страдательного залога. Большинство арабских глагольных форм субстантивируются под воздействием грамматических норм татарского языка и принимают все парадигмы имен. Значительная часть масдаров и причастий не теряют свои глагольные значения и выступают в сочетании с вспомогательными глаголами тюркского происхождения.

Список источников

1. **Ахметьянов Р. Г.** Этимологические основы лексики татарского языка: дисс. ... к. филол. н. Казань, 1969. 203 с.
2. **Әүхәдиев И. Ш.** Гарәп алынмаларының фонетик үзләштерелеше турында // Татар тел белеме мәсьәләләре. Казан: Казан ун-ты нәшр., 1969. Б. 112-134.
3. **Вәлиди Ж.** Татар теленә имла һәм сарыф вә нәхү кагыйдәләре. Казан, 2015. 52 б.
4. **Гранде Б. М.** Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. М.: Изд-во вост. лит., 1963. 594 с.
5. **Максуди Ы.** Гарәбият. Казан, 2015. 112 б.
6. **Махмутов М. И.** Фонетическое и грамматическое освоение арабских заимствований в татарском литературном языке: автореф. дисс. ... к. филол. н. Казань, 1966. 20 с.
7. **Научный архив Института истории, языка и литературы Академии наук Республики Башкортостан.** Ф. 3. Т. 63.
8. **Сиразиев И. И.** Арабский пласт лексики современного татарского литературного языка: дисс. ... к. филол. н. Казань, 2002. 177 с.
9. **Федорова Э. Н.** Арабские и персидские заимствования в татарских народных пословицах (по трехтомному сборнику Н. Исанбета «Татар халык мәкальләре»): автореф. дисс. ... к. филол. н. Казань, 2003. 25 с.
10. **Фәхретдинов Р.** Асарь. 13 жөзья. 2 нче жилд. Оренбург, 1907. 422 б.
11. **Юсупов А. Ф.** Арабо-персидские заимствования в языке татарской поэзии XIX века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 12 (42): в 3-х ч. Ч. 1. С. 208-210.
12. **Юсупов А. Ф.** Многовариативность старотатарского языка XIX века // Филология и культура. 2012. № 3 (29). С. 99-103.
13. **Юсупов А. Ф.** Морфологические особенности языка произведений суфийского поэта I половины XIX века Шамсетдина Заки: дисс. ... к. филол. н. Казань, 2004. 226 с.

THE FUNCTIONING OF THE ARABIC VERBAL FORMS IN THE LANGUAGE OF THE TATAR SUFI POETRY OF THE XIX CENTURY

Yusupov Airat Faikovich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Kazan (Volga Region) Federal University
faikovich@mail.ru

The article is devoted to studying the problems of grammatical assimilation of the Arabic verbal forms – action names and participles – in the language of Tatar Sufi poetry of the XIX century. The author proposes the scientific methodology to study the borrowed grammatical elements in the language of Tatar poetry of the mentioned period. The paper identifies the principles of functioning of the Arabic verbal nouns and participles in the structure of literary texts, determines the basic mechanisms of the Arabism grammatical adaptation and reveals the peculiarities of the borrowed element assimilation at the grammatical level.

Key words and phrases: Old Tatar language; borrowing; grammatical assimilation; substantivization; action name; verbal noun; participle.